

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-33-61

Научная статья / Research paper

А.В. Глухова*

ПОПУЛИЗМ В XXI ВЕКЕ: ВРЕМЕННО, НАДОЛГО, НАВСЕГДА?

*Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Воронежский государственный университет»
394006, Воронеж, Университетская площадь, 1*

Феномен популизма известен как минимум со времен Античности. Однако в последние десятилетия он получил второе дыхание, прочно обосновавшись в лексиконе политиков и политологов. В данной статье предпринимается попытка воссоздать портрет популизма XXI в. и оценить перспективы популистских партий и движений в контексте современных политических и социальных процессов в западных обществах. В первой части статьи на основе последовательного анализа разнообразных трактовок и определений популизма, представленных в работах отечественных и зарубежных политологов, предпринимается попытка обрисовать содержательное ядро данного феномена, выявить его глубинные исторические и психологические основания и обозначить его социально-политическое кредо в настоящий момент. В частности, отмечаются такие фундаментальные отличительные черты популистского дискурса, которые были присущи ему во все времена и эпохи, как прямая апелляция к мнению большинства и склонность к максимальному упрощению действительности, сведение ее к простым лозунгам и клише. Во второй части статьи проанализированы причины и факторы популистской волны, захлестнувшей целый ряд развитых и развивающихся стран в начале XXI в. Главным фактором, по мнению автора, является продолжающийся процесс глобализации, который не только несет крайне противоречивые последствия для международных отношений, но и провоцирует новые конфликты внутри даже развитых стран, разделяя их общества на «победителей» и «побежденных». Возникающей социальной напряженностью, которая только усилилась из-за последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., поспешили воспользоваться различные популистские партии и движения. Среди

* Глухова Александра Викторовна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета (e-mail: avglukhova@mail.ru).

других предпосылок для роста популизма в последние десятилетия автор называет кризис традиционных партийных систем, размывание ценностей парламентаризма, развитие новых информационно-коммуникационных технологий. Отдельно автор останавливается на факторе лидера, подчеркивая, что харизматичные политики получают в этих условиях новые возможности для мобилизации общественных настроений в свою пользу. В итоге автор приходит к выводу, что перспективы развития популистской волны в XXI в. лучше всего описывает формула, предложенная немецким политологом К. фон Байме: «Популизм никогда не длится долго, но он каким-то образом постоянно рядом».

Ключевые слова: популизм, глобализация, демократия, неолиберализм, кризис парламентаризма, политические партии, коммунитаризм, космополитизм, национализм.

Для цитирования: Глухова А.В. Популизм в XXI веке: временно, надолго, навсегда? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 33–61. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-33-61

Alexandra V. Glukhova

POPULISM IN THE 21ST CENTURY: TODAY, TOMORROW, ALWAYS?

*Voronezh State University
1 Universitetskaya pl., Voronezh, Russia, 394018*

The concept of populism has been known since Antiquity. However, in recent decades it gained new prominence amongst politicians and political experts. The present paper attempts to reconstruct the image of populism of the 21st century and to assess the viability of populist parties and movements involved in the context of current social and political processes within Western societies. The first section of the paper examines various definitions of populism elaborated by both Russian and foreign political scholars. On that basis the author attempts to identify the core meaning of this phenomenon, its historic roots and psychological underpinnings, as well as a social-political profile today. The author highlights such constituent elements of the populist discourse that crystallized throughout its development, as direct appeal to the public sentiments, oversimplification of reality and the use of manipulative techniques. The second section of the paper examines the origins and characteristic features of the populist wave

that spanned across both developed and developing countries in the early 21st century. For that matter, the effects of globalization are considered particularly problematic, as they have uncertain implications for international relations and exacerbate social and economic tensions even within developed societies creating both ‘winners’ and ‘losers’. They also allowed various populist movements to take advantage of the growing social instability in the wake of the global financial crisis of 2008–2009. Additionally, the author links the recent rise in the populist sentiments to the deepening crisis of traditional political party systems, the erosion of principles of parliamentarianism and the development of new information and communication technologies. The author stresses that in these circumstances different charismatic leaders gain new opportunities for mobilizing public support. The research concludes that the prospects for the ongoing populist wave are best described by a formula, proposed by a German political scientist Klaus von Beyme ‘Populism never lasts very long — but it is somehow always around’.

Keywords: populism, globalization, democracy, neoliberalism, crisis of parliamentarianism, political parties, communitarianism, cosmopolitanism, nationalism.

About the author: *Alexandra V. Glukhova* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Sociology and Political Science Department, Voronezh State University (e-mail: avglukhova@mail.ru).

For citation: Glukhova A.V. 2021. Populism in the 21st century: Today, tomorrow, always? *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 33–61. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-33-61 (In Russ.)

Понятие «популизм» в последнее десятилетие стало едва ли не самым употребительным в политическом словаре, возвестив новую эпоху в трактовке политики, демократии, лидерства и т.д. Популизмом называют и определенный политический стиль, и радикальную критику парламентской политики, и попытку предстать в качестве альтернативы представительной демократии.

Спектр оценок этого сложного явления достаточно широк: одни авторы видят в нем справедливую критику правящих элит, оторвавшихся от реальных жизненных условий миллионов людей [Мудде, 2014; Вайнштейн, 2017], другие высказывают опасения относительно угрозы институциональным основаниям демократии со стороны популистских лидеров, стремящихся разрушить ее каноны [Vittori, 2015; Mounk, 2014; Глухова, 2017; Grant et al., 2019]. В 2016 г. был раз-

работан индекс авторитарного популизма, проведено сравнительное исследование ряда европейских стран [Pappas, 2016]. Предпринимаются попытки объединить компаративистику и социальную теорию в объяснении феномена возрождения популизма в Западной Европе, уделить большее внимание малоизученной связи между дискурсом и структурой [Lochowski, 2018]. Сегодня нет недостатка и в смелых параллелях, проводимых между тоталитарными режимами 1930-х годов и массовыми движениями во главе с лидерами-популистами, появившимися в первые десятилетия XXI в. и ознаменовавшими начало «эпохи постправды», «постдемократии» [Крауч, 2010] и т.д. Многие современные авторы на Западе трактуют феномен популизма как неизбежную «тень» демократического режима [Pauwels, 2011], поскольку выборность и массовое участие предоставляют возможности для быстрого продвижения лидеров-популистов. Лингвисты обратили пристальное внимание на дискурс популистских политиков, как правых, так и левых, как обладающих властью, так и стремящихся к ней, а также на реакцию на него со стороны электората [Macauley, 2019].

В целом можно заключить, что к настоящему моменту выкристаллизовалось три прогноза/подхода к оценке данного феномена: «популизм никогда не длится долго, но он каким-то образом все время рядом» [Байме, 2014]; «эпоха классических популистов подходит к концу» [Мартынов, 2020]; «популизм — это надолго» [Фишман, 2017]. В правоте одного из них нам еще предстоит убедиться в близком или не очень отдаленном будущем.

Цель настоящей статьи — обобщение/систематизация типологических черт популизма, находящихся отражение в современном политическом дискурсе, а также верификация звучавших в политической науке в последние десятилетия прогнозных оценок в отношении перспектив популистских практик.

Истоки и современный профиль популизма

Феномен популизма сравнительно недавно попал в центр внимания исследователей, однако его исторические корни достаточно глубоки, и он вызывал интерес еще у мыслителей древности. При всей миниатюрности античного полиса (в сравнении с современными мегаполисами или национальными государствами) он представлял собой уникальную политическую лабораторию, в которой прошли

апробацию многие теоретические модели, до сих пор релевантные в оценке уже иных, сегодняшних политических реалий.

Формула популизма, если так можно назвать составные элементы этого явления, выведенная античными авторами, выглядит следующим образом. Предпосылкой возникновения и распространения популистских практик, как правило, становился экономический кризис, порождавший структурные условия для социальной поляризации, т.е. резкого раскола общества на богатых и бедных, и способствовавший формированию острого политического противоборства. Особенно опасным для общественного плюрализма становилось разорение среднего класса, который, согласно Аристотелю, является гарантом социальной стабильности и умеренности нравов. Указанными обстоятельствами спешили воспользоваться умелые демагоги¹, спекулировавшие на социально-экономических трудностях и активно использовавшие их в выгодных для себя целях, в первую очередь для того, чтобы подавить оппозицию, лишить ее политического влияния и, как следствие, монопольно определять характер политических решений, далеких от умеренности и компромиссов.

Главным принципом популистского стиля в политике были апелляции к большинству, от имени которого проводились всевозможные инициативы и решения. Демагоги превозносили мнение большинства как определяющее и незыблемое, непосредственно трансформируемое в закон без компромиссов и иных форм опосредования принимаемых решений. Поляризация полиса на большинство и меньшинство помогала опасной и порочной стратегии игнорирования институтов и процедур, т.е. всего того, что и предполагает цивилизованная политика. Иными словами, демократическая процедура принятия решений согласно воле большинства подменялась правлением большинства, которое политически формировалось усилиями демагогов [Урбинати, 2016: 267].

Особое место в этой формуле принадлежит политику, олицетворяющему некую альтернативу сложившемуся и не устраивающему большинство населения статус-кво. Благодаря ораторским способностям и органичному для демократических собраний полемическому языку демагог получал шанс перевербовать на свою сторону требу-

¹ Этот термин, имевший изначально положительную коннотацию, постепенно обрел негативный смысл.

емое большинство и опрокинуть всю структуру демократического режима правления. История сохранила имена таких демагогов под собирательным обозначением «тиранов».

Механизм выдвижения тирана весьма примечателен, особенно в контексте современных тревожных тенденций, связанных с ростом популистских практик. Подрыв институциональных оснований демократии осуществляла чаще всего определенная часть правящего класса, стремившаяся воспользоваться раздражавшей население тяжелой экономической ситуацией в целях укрепления собственной власти. Фактически это был внутриэлитный конфликт, в котором позиции умеренной части правящего класса, склонной к компромиссам в целях поддержания межклассового равновесия, приносились в жертву радикалам с правого или левого фланга, умело спекулировавшим на социальных бедствиях с помощью демагогической риторики. Они символизировали собой разрыв внутри правящего меньшинства и, добившись поддержки народа, инициировали принятие законов в свою пользу.

Таким образом, можно констатировать, что популизм — это движение части правящего класса, опирающееся на искусную демагогию с целью добиться поддержки значимого народного большинства. Такая апелляция становится главным козырем и мандатом в руках популистов, хотя в случае победы их политика вовсе не обязательно будет проводиться в интересах этого большинства: основная цель — мобилизация сторонников, трактуемая как воля «истинного» народа [Глухова, 2017]. Как справедливо отмечает Н. Урбинати, задача популистов заключается в том, чтобы сплавить мнение одной части народа (существующего имплицитно, до всяких процедур) с волей государства, исказив диархическую структуру представительной демократии. Основной и наиболее узнаваемой чертой популизма является «враждебность к либерализму и принципам конституционной демократии, в том числе к правам меньшинств, разделению властей и многопартийной системе» [Урбинати, 2016: 248]. Политика как место компромиссов, торга и всевозможных сделок, место согласования множества интересов и позиций, олицетворяющих парламентскую демократию, подвергается со стороны популистов ожесточенной критике. Если из глубин истории обратиться к сегодняшнему дню, то можно легко обнаружить многие знакомые черты на известном портрете.

В числе первых политико-психологический профиль современного популизма обрисовал Р. Дарендорф, назвав его «одним из самых впечатляющих феноменов политического ландшафта к началу XXI века» и сравнив со своеобразным вирусом, поразившим не только слабые, неустойчивые, но и зрелые, классические демократии [Dahrendorf, 2004: 314]. Тем самым была поставлена проблема выявления глубинных оснований возрождения популизма в современном мире, которая включает анализ факторов, способствующих росту его привлекательности для различных слоев населения, оценку возможностей сочетания популистской демагогии с имманентными для демократии критикой и дискуссией, а также изучение дальнейших перспектив популистской волны и потенциального ущерба от нее. Воспринимая популизм как угрозу демократии, Р. Дарендорф обозначил ряд уточняющих характеристик этого явления, скромно названных «осторожными замечаниями». По прошествии времени они не только не потеряли смысл, но приобрели еще большую актуальность и практическое подтверждение.

Прежде всего, ученый оспаривает трактовку популизма как выражения «народной воли». По его мнению, это скорее большой демагогический прием, располагающий богатым регистром методов. Не каждый человек в состоянии провести границу между демократией и популизмом, предвыборными дебатами и демагогией, дискуссией и политическим соблазном. Политик, обсуждающий с избирателями те или иные вопросы, организующий собрания, на которых с помощью дискуссии подолгу объясняет свое видение проблемы, также применяет элементы популизма. Но вряд ли можно согласиться с ситуацией, в которой политик, используя всевозможные приемы риторики, подстрекает большие массы людей к бунту, погромам и т.д. Поэтому необходима осторожность в употреблении понятий. «Упрек в популизме может сам по себе быть популистским, демагогической заменой аргументов», — подчеркивает Р. Дарендорф [Dahrendorf, 2004: 315]. С ним солидарен известный американский политолог Ф. Фукуяма, отмечающий, что «популизм — это ярлык, который элиты навешивают на политику, поддерживаемую простыми гражданами, но неприятную истеблишменту» [Фукуяма, 2016]. При этом от ошибок не застрахованы ни демократические избиратели, ни правящие элиты, пренебрегающие мнением народа. Решение

проблемы возможно только на путях ответственного руководства и грамотной политики.

Эту точку зрения сегодня отстаивает профессор политической теории Я.-В. Мюллер. По его мнению, истинный популизм можно опознать по ряду признаков, в числе которых главным является уверенность его представителей в том, что только они олицетворяют подлинный, настоящий, всегда гомогенно мыслимый народ, и это крайне опасно для демократии. «Популисты всегда антиплюралистичны, тогда как демократия может существовать только в плюралистической форме. Решающий вопрос нашего времени заключается в том, смогут ли популисты развиваться в направлении признания плюрализма или же они будут и дальше пытаться дискредитировать политические институты, которые не выражают постулируемую ими “народную волю”; смогут ли этиблированные партии воспринять легитимные пожелания избирателей популистских партий, не превратившись сами в популистов» [Müller, 2016: 24]. Иными словами, решающей является не антиэлитарная, но антиплюралистическая позиция популистов. Они претендуют на выражение народной воли, которую сами же и формируют.

Известный английский социолог Э. Гидденс, размышляя над причинами и проявлениями популистской волны в Европе во втором десятилетии XXI в., обращает внимание на сходство популизма в Европе и других частях света. Большинство популистских партий концентрируют свою деятельность вокруг темы борьбы с истеблишментом и элитами, отказывают традиционным политическим институтам в способности отражать надежды и чаяния простых граждан. Прибегая к языку демократии и оказывая определенное влияние на политическое развитие своих стран, популисты, тем не менее, в большинстве своем стремятся изменить или ограничить либеральные ценности в интересах более значимого блага (как они его понимают). «Партии, выступающие против господствующих классов, могут быть партиями как левого, так и правого толка, что можно наблюдать в сегодняшней Европе, — пишет Э. Гидденс. — При этом лишь немногие политические партии имеют программы, охватывающие весь спектр политических вопросов. Вместо этого они концентрируют усилия на нескольких ключевых аспектах, вызывающих наибольшие проявления антагонизма и недовольства» [Гидденс, 2015: 49].

Э. Гидденс справедливо подчеркивает природное родство двух разновидностей популизма — правого и левого. При этом популизм чаще сводят к правому, что не совсем точно, в том числе с позиций реальной политики. Однако такое отождествление объяснимо тем, что проблемы, обсуждаемые популистами, принадлежат к классическому правому дискурсу: закон, порядок, беженцы, безопасность и т.д. Сложность в том, что либералы и левые не дали своих оригинальных толкований этим понятиям и в силу этого выглядят в глазах аудитории популистов сторонниками беспорядка и беззакония. Кроме того, проблема миграции в начале XXI в. не стала в нужное время темой политического дискурса, в результате чего не был дан быстрый ответ на многие важные вопросы, включая ее причины, издержки для принимающих обществ и т.д. В этой связи миграционный наплыв в Европу застиг эстаблированные партии врасплох, отдав инициативу в дискурсе правым популистам.

Наряду с правым возник левый популизм, причины которого идентичны: традиционные левые партии остались верны социально-экономической тематике, т.е. проблемам доходов, занятости, безработицы и т.д., однако также не смогли включить эту тематику — в правильной формулировке — в повестку дня политических дебатов, что и обусловило их политическое поражение в 2000-е годы.

Еще одной особенностью, объясняющей востребованность популизма, является то, что он предельно прост, тогда как демократия сложна: это главный отличительный признак этих двух апелляций к воле народа. Популизм базируется на сознательной попытке упрощения проблем, и в этом его обаяние и рецепт успеха (беженцев прогоним, преступников посадим и т.д.). Но когда популисты получают доступ к рычагам власти, они оказываются беспомощными перед комплексностью, составляющей главную особенность демократического общежития [Merkel, 2017]. В зрелых демократиях избиратели не столь склонны поспешно доверять легковесным обещаниям; в молодых, незрелых демократиях, напротив, щедрые обещания популистов обычно имеют успех. Перед демократическими политическими лидерами встает очень сложная задача избегать больших упрощений, объясняя сложность вещей.

Действительно, популистские движения — это протестные группы, не нацеленные на систематическую коалиционную работу, но

желающие править единолично, потому и пытающиеся «соблазнить» как можно большее количество людей. Их интересуют не реформы, а власть сама по себе, поэтому способность популистов к управлению трактуется учеными с большим сомнением и расценивается как определенная опасность для существующего порядка [Байме, 2014: 104; Гидденс, 2015: 55]. По мнению Ф. Фукуямы, общей тенденцией международной политики последнего времени было наступление так называемого популистского национализма. Лидеры-популисты стремятся использовать легитимность, полученную через демократические выборы, для консолидации власти. «Они утверждают, что имеют прямую харизматическую связь с “народом”, который часто определяется в узких этнических терминах, исключающих значительную часть населения. Они не любят институты и стремятся подорвать систему сдержек и противовесов, ограничивающую личную власть лидера в современной либеральной демократии: суды, систему законодательной власти, независимые СМИ и “аполитичный”, внепартийный чиновничий аппарат» [Фукуяма, 2019: 17]. Современными лидерами такого типа Ф. Фукуяма считает Д. Трампа в США, В. Путина в России, Р. Тайипа Эрдогана в Турции, В. Орбана в Венгрии, Я. Качиньского в Польше, Р. Дутерте на Филиппинах и т.д.

Предложенные известными учеными штрихи к собирательному политико-психологическому профилю популистов не оставляют сомнений в том, что их неподготовленность к выполнению ответственной функции государственного управления и фактическое нежелание заниматься каждодневной кропотливой работой вкупе с самоуверенностью и самовлюбленностью представляют собой серьезную угрозу не только для внутренней, но и для внешней политики. Последняя требует от политических лидеров особого массива знаний, а также умений и навыков выстраивать союзы и привлекать партнеров, гибко реагировать на новые вызовы и угрозы, стремиться защитить национальные интересы с помощью «мягкой силы», т.е. привлекательных технологических и культурных образцов, а не военных угроз. В этой связи сам популистский стиль, отрицающий сложный поиск взаимовыгодных решений, становится серьезной проблемой для внутреннего и международного мира и безопасности.

Причины и факторы популистской волны

В числе главных факторов, благоприятствующих появлению популистских наклонностей у амбициозных политиков, – общественные перемены, на которые указывал еще Аристотель. Ухудшение экономической ситуации или упадок благосостояния большинства населения создает благоприятную ситуацию для популистской партии или движения, мобилизующих в свою поддержку широкие слои недовольных масс. Этим недовольством спешат воспользоваться опытные демагоги, реализующие стратегию раскола общества по классовому или имущественному признаку и создающие угрозу демократической стабильности [Урбинати, 2016: 273].

Справедливость выводов Аристотеля была неоднократно подтверждена историей. Сравнительный анализ классовых конфликтов прошлого убедительно доказывает наличие теснейшей связи между углублением социального расслоения и ростом политической поляризации. Подобными ситуациями весьма успешно пользовались правые правительства (например, в США и Великобритании в 1970–1980-е годы), которые проводили популистскую политику, опирающуюся на поддержку большинства и нацеленную на дерегулирование, роспуск профсоюзов, демонтаж государства всеобщего благосостояния и особенно программ материальной помощи немущим [Фукуяма, 2016]. Эта политика в конечном счете ударила по тем слоям населения, которые в свое время поддержали на выборах ее инициаторов.

Известный немецкий политический теоретик К. фон Байме, выделивший три фазы в развитии послевоенного популизма (первые послевоенные годы; 1970-е годы; начало 1990-х годов), связывает наступление его третьего этапа с глобализацией и упрочением Евросоюза [Байме, 2014: 103]. Похожих взглядов придерживается и Р. Дарендорф [Dahrendorf, 2004: 236]. Маркерами нового этапа становятся рост иммиграции и безработицы, а также отказ правящих элит от установки на построение «государства всеобщего благоденствия» даже в развитых странах. Эти тенденции порождают общественное недовольство, которым поспешили воспользоваться популисты, в том числе в странах, доселе не затронутых этим «вирусом» (например, Швеция).

Глобализация стала господствующей темой в политическом дискурсе в тот исторический момент, когда прежние ключевые

концепции и понятия («первый» и «второй мир», соперничество двух систем, «третий мир» и т.д.) потеряли свою силу. Глобальные тренды привели к появлению новых и ослаблению некоторых старых национальных государств. Возросла их взаимозависимость: даже такие могущественные страны, как США, в одиночку не могут регулировать финансовые рынки, бороться с изменением климата и т.д. Сменившие прежнюю биполярную модель региональные блоки в Азии, Европе и Америке представляют собой новые формы альянсов, зачастую без четкой структуры или ясной цели.

Международный порядок все чаще сталкивается с парадоксом: его успешность зависит от торжества глобализации, но сама глобализация порождает негативную политическую реакцию. Справедливым становится вывод У. Бека о том, что у глобализации не оказалось политической программы: возникает глобально дезорганизованный капитализм, функционирование которого не контролирует ни какая бы то ни было гегемонистская держава, ни международный режим (экономический или политический). «Функционирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств. Тем самым открывается путь субполитизации совершенно нового размаха и с непредсказуемыми последствиями» [Бек, 2001: 10–11]. Глобализация оказалась лишенной своего политического оформления: глобальный неолиберализм фактически элиминировал политическое начало, сведя его к примитивному рыночному экономизму. В свою очередь тотальная открытость породила тотальный же запрос на закрытость. В таких условиях технологиями массовой мобилизации в руках умелых демагогов, стремившихся к власти, становились национализм (в форме ретронационализма) и фундаментализм.

Дополнительную питательную почву для активизации популистских проектов создал *финансовый кризис 2008–2009 гг.*, особенно в тех странах (Испании, Греции, Италии), где его последствия оказались особенно тяжелыми для широких слоев населения. Именно здесь происходил самый выразительный взлет левопопулистских политических движений — «Podemos», «Indignados» и др., а греческая «Siriza» стала (хоть и ненадолго) правящей партией страны. Даже в Германии — стране с хорошими экономическими показателями — правительство после 2011 г. приняло одну из самых масштабных программ жесткой экономии в своей истории [Гидденс, 2015: 111].

В значительной степени эта экономия достигалась за счет снижения затрат на социальные нужды. Очевидно, что электоральные успехи новых право- и левопопулистских партий («Альтернатива для Германии» и «Левые») в значительной степени связаны с недовольством бундесбюргеров, вызванным этими непопулярными решениями и развитием общих неблагоприятных социально-экономических процессов.

Нет сомнений в том, что страны, вступившие в длительную полосу экономической рецессии, с большей вероятностью могут стать площадкой для реализации популистских стратегий как средства в борьбе за власть и политическое доминирование.

Еще одной благоприятной предпосылкой для роста популизма стали *трансформация традиционных партийных систем, изменение идеологий и организационных моделей партий*. Этот процесс ознаменовался сокращением численности традиционных партий, ослаблением партийной идентификации и снижением электоральной активности. Параллельно с процессом профессионализации элит распространялось негативное восприятие партийного истеблишмента. К. фон Байме оценивает эти тенденции скорее положительно: современный избиратель стал более информированным, менее податливым конформистским настроениям и более независимым в своих оценках от партийных механизмов. Однако исследователь отмечает и обратную сторону этих процессов, которая заключается в повышенной волатильности настроений и позиций и сильных колебаниях предпочтений избирателей. Р. Дарендорф также считал глубинным основанием популизма именно ослабление старых партий. По его мнению, лишь немногие традиционные партии смогли адаптироваться к новым условиям (лейбористы в Великобритании и ряд левых партий в Италии). Такая же картина сложилась на правом фланге: «...остается множество пустот, куда могут без больших усилий вторгнуться эксцентричные фигуры», способные завоевать до 20% голосов избирателей и более [Dahrendorf, 2004: 314]. В начале 2000-х годов популистские кандидаты имели лишь частичный успех, и ни одна популистская группа в западноевропейских демократиях не смогла утвердиться надолго (за исключением, возможно, «Вперед, Италия!» во главе с С. Берлускони). Вместе с тем они постепенно прокладывали дорогу новым политическим структурам. В то же время европейские ученые отмечают, что популистские стиль и

образ поведения стали пользоваться популярностью и у многих традиционных партий и политиков благодаря возможностям «харизматичной медийной демократии» [Байме, 2014]. Сегодня популистские партии и движения существуют во многих странах Европы, а в Венгрии и Польше они уже на протяжении ряда лет находятся у власти [Вайнштейн, 2017: 72–74]. На их примере хорошо видно, как именно осуществляется информирование населения, какие нарративы создаются для того, чтобы добиться массовой народной поддержки и обратить ее против истеблишмента и недовольных меньшинств.

Успешно стартовав в направлении демократии после революционных событий 1989 г., Польша и Венгрия в последние годы продемонстрировали «сокрушительные электоральные победы популистов консервативного толка» [Крацев, 2018: 140]². Их избирательные кампании призывали к разрушению либеральной системы сдержек и противовесов, содержали открытые нападки на меньшинства и политических конкурентов. Устами премьер-министра Венгрии В. Орбана была провозглашена доктрина «нелиберальной демократии», которая опирается на волю «сверхквалифицированного большинства», сформированную посредством политического и информационного воздействия³. Наличие конституционного большинства в 2/3 мандатов позволило правящей партии «Фидес» внести существенные поправки в Конституцию: было изменено название страны (просто Венгрия, без республики); наделены избирательным правом этнические венгры, проживающие в соседних странах; ограничены полномочия Конституционного суда; принят закон о лояльности СМИ к властям. В планах В. Орбана — расширение участия церкви в общественной жизни, патриотическое воспитание, внедрение консервативных семейных ценностей и т.д.⁴

² В Венгрии движение правого толка «Фидес» три раза подряд выигрывало парламентские выборы, а в Польше опросы общественного мнения показывают, что по популярности «Право и справедливость» устойчиво опережает всех конкурентов.

³ Правительство почти полностью контролирует медиарынок страны через государственный фонд MTVA (4 ведущих телеканала, 7 радиостанций, информационное агентство МТИ). Введенный в свое время 40% налог на рекламу поставил независимые СМИ на грань выживания.

⁴ Чурсин А. Триумф «Виктатора» Орбана. Одиозный правый политик в третий раз возглавит правительство Венгрии // Новая газета. 09.04.2018. Доступ: <https://>

В числе причин успехов правопопулистских сил в этой части Европы исследователи называют экономические проблемы, последовавшие за мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг.; кризис идентичности, усилившийся вследствие массового наплыва в Европу представителей инокультурных групп из Африки и Ближнего Востока; культурный и моральный раскол, вызванный пренебрежительным отношением истеблишмента и стоящих за ним сил, выигравших от глобализации, к тем, кто чувствует себя проигравшими [Eichengreen, 2018; Gdula, 2018]. Большинство исследователей популизма отмечают крайне негативную роль миграционного кризиса 2015–2016 гг., превратившего европейский популизм в серьезную политическую силу в регионе [Lochocki, 2018; Гидденс, 2015]⁵. Опросы общественного мнения показывают, что большинство жителей Восточной Европы относятся к мигрантам с недоверием, настроены против приема беженцев. Их представляют как носителей террористической угрозы и иждивенцев, чье содержание слишком дорого обходится принимающей стороне⁶.

Нельзя не учитывать и демографические изменения, последовавшие за падением Берлинской стены: государства Восточной Европы начали покидать наиболее образованные и либерально настроенные граждане, что ослабило в целом либеральную часть политического спектра. В результате поборниками либерализма в этих странах стали Евросоюз и США, что дало в руки правым популистам карты «защиты суверенитета», «национальной самобытности», «нравственного перевоспитания нации» и т.д. [Gdula, 2018].

Несмотря на очевидные различия между Венгрией и Польшей, Чехией и Словакией, общим в Восточной Европе становится возникновение новой формы нелиберального консенсуса, в основе которого — ксенофобия и национализм. «Где бы консервативные популисты ни приходили к власти, они привычно используют свое доминирующее положение для углубления культурной и

novayagazeta.ru/articles/2018/04/09/76116-trium-viktatora-orbana (дата обращения: 03.04.2020).

⁵ Offe K. Germany: What happens next? // Social Europe. 2017. Available at: <https://www.social-europe.eu/germany-happens-next> (accessed: 27.10.2019).

⁶ В Польше, например, в рамках официального дискурса беженцы маркированы как морально неполноценные группы, как «общественная патология» [см.: Gdula, 2018; Глухова, Савенков, 2019: 188–189].

политической поляризации и продвижения того стиля политики, который американский историк Ричард Хофстадтер назвал «параноидальным», — пишет И. Крастев. — Для этого стиля, в частности, характерно широкое использование конспирологических теорий» [Крастев, 2018: 143]⁷. Английский историк Т. Снайдер оперирует понятием «садопопулизм», обращая внимание на стремление популистов демонизировать своих политических противников, «сексуализировать врага» и даже подменять политическую борьбу биологическим конфликтом с намеком на неполноценность оппонентов [Snyder, 2018].

Все восточноевропейские популисты опираются на дискурс истинных защитников нации от внутренних и внешних врагов. Как пишет Я.-В. Мюллер, «популисты заявляют, что они и только они являются представителями народа», причем такое притязание «неизменно имеет этическую природу». Ни «Фидес», ни «Право и справедливость» не претендуют на то, чтобы считаться представителями всех венгров или всех поляков: они настаивают на том, что представляют только «истинных» венгров и «истинных» поляков. В их руках демократия из инструмента объединения общества превратилась в инструмент его разобщения, поскольку любые институты, не являющиеся мажоритарными, получают от популистов клеймо «антинародных» [Müller, 2016: 24].

Особого внимания заслуживает *фактор лидера*. На примере лидера правящей партии «Право и справедливость» (ПиС) Я. Качиньского можно наблюдать политически значимый процесс реформативирования Польши, изменение отношений между партией и электоратом и создание новых форм политической субъектности [Sutowski, 2018]. Дискурс партии носит театрално-драматический характер. Режиссером этой драмы выступает сам Я. Качиньский, представляющий себя и своих последователей в нескольких ролях: жертв Третьей польской республики; гордых членов единой национальной общности со славной историей; сторонников порядка

⁷ Примером может служить разделяемое многими сторонниками «Права и справедливости» мнение о спланированном покушении на жизнь бывшего президента Польши Л. Качиньского, погибшего в авиакатастрофе под Смоленском. В Венгрии сторонники «Фидес» уверены в происках миллионера венгерского происхождения Дж. Сороса, якобы умышленно содействующего массовому притоку в Венгрию мигрантов.

и справедливости и т.д. [Kaczyński et al., 2010]. «Вера в то, что новое правительство сочтется с элитами, якобы предавшими национальные интересы, соответствует стереотипу избирателя ПиС как реваншиста, который действительно хочет мстить за допущенную несправедливость» [Глухова, Савенков, 2019: 188]. Даже поляки, не голосовавшие за ПиС, негативно относятся к эстаблированным элитам, рассматривают атаку на них как восстановление справедливости и одобряют контроль над Конституционным судом со стороны исполнительной власти как способ наведения такого порядка. Радикальным выражением этого запроса на справедливость является вера в мандат парламентского большинства, который не должен быть ограничен конституционными нормами [Глухова, Савенков, 2019: 189]. Иными словами, «Право и справедливость» не является просто популистской партией, которая эксплуатирует действительно существующие проблемы в целях достижения политического успеха. По мнению М. Гдулы, «мы наблюдаем неоавторитаризм, который создает новый тип вовлечения в политику и отношения с внешним миром» [Gdula, 2018: 84].

Отдельной картой в руках восточноевропейских популистов остается их *отношение к Евросоюзу*. Демагогически используя флаг «суверенности» и морально-культурное фрондирование ЕС, они с удовольствием пользуются финансовыми субсидиями последнего. При этом далеко не все результаты их правления оказываются выигрышными для населения и встречают его поддержку. Так, в Венгрии за годы нахождения у власти В. Орбана раскол в обществе усилился вопреки заявлениям официальной пропаганды. По уровню заработной платы страна находится на последнем месте в регионе. Небывалого размаха достигла нищета работающих венгров, а увеличивающийся отток населения превращается в национальную трагедию. Правительство В. Орбана делает все для того, чтобы коммерциализировать сферу образования и здравоохранения, оставляя широкие слои населения без соответствующей медицинской помощи в государственном секторе [Széll, 2019]. Иными словами, популисты, которые вызвались защищать интересы людей, проигравших в результате осуществления неолиберальной политики, получив власть, сами продолжили реализовывать эту политику, несмотря на агрессивную риторику против истеблишмента [Gdula, 2018].

Нынешний антилиберальный тренд не стал неожиданностью для политической науки. С. Хантингтон в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций» (переведенной в Германии как «Конфликт культур») первым предостерег от эйфории, вызванной быстрым и бескровным падением «железного занавеса» между Востоком и Западом. Каждая прошлая «демократическая волна» неизбежно сопровождалась откатом, и с той, что случилась в последней трети XX в., произойдет то же самое, полагал ученый. При этом порожденные ею конфликты будут опасными для мира, поскольку являются конфликтами ценностей, крайне трудными для урегулирования [Хантингтон, 2003]. Нелиберальная демократия как раз и стала той новой формой авторитаризма, о которой предупреждали С. Хантингтон и Р. Дарендорф. Ее зарождение в демократической среде особенно опасно, поскольку под вопрос поставлены ценности и принципы, составляющие основания европейского права: сдержки и противовесы, независимость конституционного суда, конституционные ограничения власти большинства, свобода слова и независимость медиа и т.д. [Merkel, 2016].

Наряду с экономическими и социокультурными причинами *популистский подъем в ряде стран стал прямым следствием ослабления парламентов*. Популизм в корне, принципиально антипарламентарен. Представительная демократия является средством, благодаря которому господствующий климат мнений превращается в конкретные и реалистичные решения. Там, где это происходит, нет места всяким упростиелям: для них остается Гайд-парк, где они могут обмениваться своими тирадами. Функции парламента (дебаты по различным темам; конвертация дебатов в конкретные политические действия; гарантии осуществления долгосрочных целей и т.д.) полностью антипопулистские, поэтому данный институт стоит всецело на стороне представительной демократии. Однако внутри парламентов тоже возникают популистские соблазны и риски: исполнительная власть пытается обойти парламентский контроль; призывы к «народу» как к публике или просто к потребителям обесценивают гражданский дух и т.д.

Я.-В. Мюллер обращает внимание на причины ослабления роли парламентов в Европе после 1945 г. По его мнению, их относительная деградация в послевоенный период базировалась на сознательных политических решениях и не может быть отнесена на счет обе-

зличенных процессов, подобных глобализации или европеизации. Архитекторы послевоенного политического устройства в Западной Европе (за важным исключением Великобритании) с большим подозрением относились к идее народного суверенитета. Было распространено мнение, что именно «массы» проложили дорогу к тоталитаризму: «Как можно доверять народам, которые привели к власти фашистов или сотрудничали с фашистами во время оккупации?» [Müller, 2016: 25].

Этот скепсис распространялся и на институты народного представительства. Создатели новых конституций хотели побороть то, что немецкий правовед У. Пройс назвал «парламентским абсолютизмом». Речь шла о том, что формально именно парламенты передали в свое время всю полноту власти А. Гитлеру и Ф. Петену, лидеру сотрудничавшего с национал-социалистами вишистского режима во Франции. Этим было обусловлено стремление как можно сильнее ограничить возможности законодательной власти. Одновременно были усилены институты, члены которых никогда не были избираемы народом, — центральные банки и конституционные суды. Почти повсеместно в Европе исполнительная и судебная ветви власти усилились, а законодательная власть была целенаправленно ослаблена. Дальше всего этот процесс зашел во Франции, где был сформирован самый слабый парламент в западном мире — Национальное собрание.

Можно заключить, что послевоенный порядок в Европе парадоксальным образом был не только антитоталитарным, но и в каком-то смысле антидемократичным: граждан держали на определенной дистанции, и возможности включиться в принятие политических решений строго ограничивались судами и институциями, подобными центральному банку. Конституционные суды должны были укреплять демократию как таковую, в том числе и недемократичными мерами, такими как запрет деятельности экстремистских партий. «Мы и сегодня живем все еще с этим, <...> проникнутым недоверием, послевоенным порядком, — считает Я.-В. Мюллер. — Объяснением этому является, наверное, то, что этот порядок оказался на удивление гибким» [Müller, 2016: 26].

Особую роль в нарастании популистской волны сыграли новые информационно-коммуникационные технологии. В условиях современной цифровой эпохи, когда влияние массмедиа на умы и

сердца людей многократно возросло, популисты получили в свои руки дополнительные и могущественные ресурсы⁸. Возможности манипулировать фактами и мнениями, создавать имиджи и фикции в публичной и государственной политике сегодня увеличились многократно. Возникает доселе неизвестный феномен «современной политической лжи», которая, по словам Х. Арендт, успешно работает даже с тем, что вообще не представляет тайны и известно практически каждому. В таких условиях те, кто настаивает на обсуждении фактов и событий, не укладывающихся в этот обман, воспринимаются как более опасная сила, чем действительные враги. Х. Арендт прозорливо предсказывала, что в отдаленной перспективе «промывка мозгов» способна привести к уничтожению специфического чувства, посредством которого люди ориентируются в современном мире [Арендт, 2014: 380]. Неслучайно феномен «постправды» («постфактичности»), наиболее ярко олицетворяемый заявлениями и комментариями американского президента Д. Трампа, привлек к себе столь широкое внимание общественности: его появление совпало с популистской волной (т.е. успехами популистских партий) середины второго десятилетия XXI в. [Marschall, 2017; Hendricks, Vestergaard, 2017; Weingart, 2017]. «Постфактичность» сильно стимулируется благоприятным медийным контекстом. Для распространения в Сети корректность приводимых фактов второстепенна, она не создает большого содержательного резонанса. В поле новых онлайн-медиа слухи, фальшивые сообщения и выдуманные истории хорошо расцветают и долго живут. При этом раздутое онлайн-явление может реально влиять на демократические дебаты, формирование мнений и политический ландшафт.

Следует помнить и о том, чем чреват самообман политиков, принимающих ответственные решения. Подобное игнорирование фактов может стать стратегией принятия решений, удобной для сохранения собственной власти, но губительной для общества, и тогда

⁸ Достаточно назвать огромную медийную империю С. Берлускони (около половины национальных телестанций и издательств), применявшую пропаганду для формирования единомыслия, являющегося скорее их собственным, нежели народным, творением. Сепаратистское движение «Лига Севера» и цезаристская политика С. Берлускони стали новыми версиями популизма в современной Италии. Их главная риторическая стратегия заключается в изображении этих движений в качестве «подлинной» альтернативы существующим политическим партиям, правящим элитам и одновременно парламентской демократии.

последнему придется платить по этим счетам всеми возможными формами расчета: и экономическим отставанием, и социальной деградацией, и политической реакцией, и моральным террором и т.д. Упрощение картины мира, игнорирование фактов ведет к серьезному кризису государственного управления со всеми вытекающими из этого последствиями.

Таким образом, природа популизма представляется достаточно очевидной. Он стал порождением целого ряда объективных факторов, характеризующих развитие мира на рубеже XX–XXI вв. Главным из них выступает глобализация, влияющая на международное разделение труда, социально-классовые сдвиги, политические трансформации и социокультурные преобразования во многих странах мира. Разнообразные формы популизма вырастают из сконструированной идентичности, реакции на кризис современной модели глобализации, на технологизацию, охватившую не только политику, но и всю сферу публичных отношений [Norris, 2005; Sawyer, Laycock, 2009], на миграционные процессы и усиливающийся морально-этический раскол между «победителями» и «побежденными» в новом мире. Пренебрежительное отношение правящих элит к этим вопросам, вызывающее отчуждение «социально исключенных» групп, стало одной из основных причин серьезных электоральных потерь партий истеблишмента, уступивших популистам голоса своих бывших приверженцев.

* * *

Размышляя о вероятной продолжительности популистского тренда, следует еще раз уточнить те объективные условия, которые сделали его возможным. Очевидно, что доминантное размежевание в современном мире проходит между теми, кто выиграл от глобализации, и теми, кто от нее проиграл, но проигрыш измеряется не только в материальном эквиваленте. Этаблированные политические силы, медиа, прогрессисты и в целом успешные люди активно презентуют свои интересы и культурные модели, прибегая к нравоучениям и наставлениям. Они защищают статус-кво, в том числе и свои привилегии. Им претят консервативные опасения «потери Родины», нации, культуры доверия, государственного суверенитета, значения границ и т.д. Но космополитический дух, проникнутый чрезмерным морализаторством, сегодня встречает резкую ответную реакцию:

«как сторонники Брежнева исходят из вчерашнего дня и не разделяют прекрасный новый мир космополитизма и супранационализма, так и избиратели правопопулистских партий относятся прежде всего к морально, когнитивно и культурно оставшимся позади членам общества» [Merkel, 2017: 30] и выражают свой протест, голосуя за популистов. Именно между космополитической и коммунитаристской политическими позициями и проходит сегодня основная линия политического конфликта [см. подробнее: Zürn, Merkel, 2019].

Правые популисты перехватили некоторые призывы левых: критику элит и привилегированных слоев, вызов статус-кво и требование перемен, поэтому рабочий класс по обе стороны Атлантики начинает переходить на их сторону. Левые политические силы, прежде всего социал-демократы, должны вновь поставить вопросы экономического и культурного распределения в центр политической повестки дня. Левым и леволиберальным партиям необходим новый язык для коммуникации с низшими слоями общества, с помощью которого последние могли бы вновь понимать политику и ориентироваться в ней. Это не означает игнорирования борьбы за свободу, равенство, культурную модернизацию или отрицания некоторых важных аспектов космополитизма. Но поучения сверху, моральная дискредитация или деструктивное исключение «непредставленных» и «неразумных» групп и слоев разрывают связь между этаблированными партиями и непривилегированными слоями, создавая пустоты для проникновения туда бациллы популизма. Существование последнего напрямую зависит от того, как скоро системные партии восстановят утерянные связи.

Трещина между частью населения, разделяющего коммунитаристские воззрения, и носителями далеко простирающихся космополитических воззрений ведет к дефициту репрезентации. Граждане-коммунитаристы в дебатах по усиливающейся проницаемости национальных границ не чувствуют себя в достаточной мере представленными, поскольку традиционные субъекты принятия решений — из медиа, гражданского общества, культуры, науки, хозяйственной и управленческой сфер, — равно как и традиционные партии, выражают преимущественно космополитические интересы. «Отсутствующее согласие между ними и гражданами с коммунитаристскими установками относительно глобализации, миграции или свободы торговли приводит к вакууму в политическом спектре»

[Toney, 2019: 29]. Возникающие ниши стремятся заполнить новые политические движения и партии, поэтому наблюдаемое в Европе усиление правопопулистских сил не является чем-то удивительным. Они улавливают страхи и неуверенность населения, пытаются усилить эти чувства и ввести их в политический дискурс. Одновременно популистские движения целенаправленно способствуют дистанцированию населения (или его части) от традиционных политических партий. Раскол общества на космополитов и коммунитаристов, вероятнее всего, будет развиваться и дальше, поэтому традиционным политическим партиям необходимо конструктивно реагировать на страхи части населения, избежав искушения предлагать ему простые решения, не соответствующие комплексным глобальным взаимосвязям.

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу о шансах и перспективах популизма в условиях резко обострившихся общественных противоречий, порожденных глобализацией, следует согласиться с формулой К. фон Байме: «Популизм никогда не длится долго, но он каким-то образом постоянно рядом» [Байме, 2014: 107]. Оставаясь неизбежной тенью демократического способа правления, популизм действительно все время рядом: он ищет и находит те лакуны (пустоты), которые может оперативно занять, поэтому рано говорить о том, насколько велико окажется влияние популистских партий в парламентах ряда стран, где большинство мест по-прежнему принадлежит центристским силам. Однако очевидно, что спокойному и самоуверенному существованию последних в современной политике, по-видимому, пришел конец.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
2. Байме К. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 101–109.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06.
5. Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Дело; РАНХиГС, 2015.

6. Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13–33. DOI: 10.31249/poln/2020/03/01.

7. Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05.

8. Глухова А.В., Савенков Р.В. Новый авторитаризм в польском облачении // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 181–191. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.13.

9. Крастев И. Новые деспоты Восточной Европы: долгий путь к упадку демократии // Неприкосновенный запас. 2018. № 120. С. 140–150.

10. Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010.

11. Мартынов Б.Ф. Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу // Латинская Америка. 2020. № 2. С. 19–29. DOI: 10.31857/S0044748X0008142-5.

12. Мудде К. Популистские праворадикальные партии в современной Европе // Берегinya. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 91–100.

13. Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М.: Институт Гайдара, 2016.

14. Фишман Л.Г. Популизм — это надолго // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 55–70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04.

15. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.

16. Фукуяма Ф. Политический закат или обновление Америки? Значение выборов 2016 года // Россия в глобальной политике. 2016. № 5. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/politicheskij-zakat-ili-obnovlenie-ameriki/> (дата обращения: 03.04.2020).

17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

18. Dahrendorf R. Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze. Muenchen: C.H. Beck Verlag, 2004.

19. Eichengreen B. The populist temptation. Economic grievance and political reaction in the Modern era. Oxford: University Press, 2018. DOI: 10.1162/jinh_r_01413.

20. Gdula M. Nowy autorytarizm. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2018.

21. Grant B., Moore T., Linch T. The rise of right wing populism. Pauline Hanson's One Nation and Australian politics. Singapore: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-981-13-2670-7.

22. Hendricks V., Vestergaard M. Verlorene Wirklichkeit? An der Schwelle zur postfaktischen Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2017. Vol. 67. No. 13. S. 4–10.

23. Kaczyński J., Kaczyński L., Karnowski M., Zaremba P. *Alfabet braci Kaczyńskich*. Kraków: Wydawnictwo M., 2010.

24. Levitsky S., Loxton J. Populism and competitive authoritarianism in the Andes // *Democratization*. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 107–136. DOI: 10.1080/13510347.2013.738864.

25. Lochocki T. *The rise of populism in Western Europe. A media analysis on failed messaging*. Springer, 2018.

26. Macaulay M. *Populist discourse. International perspectives*. Palgrave Macmillan, 2019.

27. Marschall S. Luegen und Politik im postfaktischen Zeitalter // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2017. Vol. 67. No. 13. S. 17–22.

28. Merkel W. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2016. Vol. 66. No. 40–42. S. 4–11.

29. Merkel W. Trump, Die Rechtspopulisten und die Demokratie // *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 2017. No. 1. S. 26–30.

30. Mounk Y. Pitchfork politics: The populist threat to liberal democracy // *Foreign Affairs*. 2014. No. 5. P. 27–36.

31. Müller J.-W. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repraesentation? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2016. Vol. 66. No. 40–42. P. 24–29.

32. Norris P. *Radical right: Voters and parties in the electoral market*. New York: Cambridge University Press, 2005. DOI: 10.1017/CBO9780511615955.

33. Pappas T.S. Modern populism: Research advances, conceptual and methodological pitfall, and the minimum definition // *Oxford Research Encyclopedias*. 2016. Available at: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-17> (accessed: 19.02.2020). DOI: 10.1093/ACREFORE/9780190228637.013.17.

34. Pappas T.S. Populist democracies: Post-authoritarian Greece and post-Communist Hungary // *Government and Opposition*. 2014. Vol. 49. No. 1. P. 1–23. DOI: 10.1017/gov.2013.21.

35. Pauwels T. Measuring populism: A quantitative text analysis of party literature in Belgium // *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2011. Vol. 21. No. 1. P. 97–119. DOI: 10.1080/17457289.2011.539483.

36. *Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv?* / Ed. by von F. Decker. Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2006.

37. *Populist politics and liberal democracy in Central and Eastern Europe* / Ed. by G. Mesežnikov, O. Gyárfášová, D. Smilov. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2008.

38. Sawyer M., Laycock D. Down with elites and up with inequality: Market populism in Australia and Canada // *Commonwealth & Comparative Politics*. 2009. Vol. 47. No. 2. P. 133–150. DOI: 10.1080/14662040902842836Sawer.

39. Snyder T. *Der Weg in die Unfreiheit Russland, Europa, Amerika*. München: C.H. Beck, 2018.

40. Sutowski V. 'Guter Wandel, zum 'neuen Autoritarismus, — und wie weiter? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2018. Vol. 68. No. 11. S. 15–18.

41. Szél B. Neuer Widerstand in Ungarn // *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 2019. No. 4. S. 18–23.

42. Teney C. Über die Kluft zwischen kosmopolitischen und kommunitaristischen Einstellungen in der Gesellschaft. Distanzierung, Mobilisierung, Politisierung // *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 2019. No. 6. S. 27–29.

43. Vittori D. Is populism changing the political representation of Western democracies? // *Political Sciences & Public Affairs*. 2015. Vol. 3. No. 1. S. 1–8. DOI: 10.4172/2332-0761.1000140.

44. Weingart P. 'Wahres Wissen' und demokratisch verfasste Gesellschaft // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2017. Vol. 67. No. 13. S. 11–16.

45. Zürn M., Merkel W., Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen // *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 2019. No. 6. S. 14–23.

REFERENCES

1. Arendt H. 2014. *Between past and future*. New York, Penguin Books [Russ. ed.: Arendt Kh. 2014. *Mezhdy proshlym i budushchim*. Moscow, Institut Gaidara Publ.].

2. Baime K. 2014. Populizm i pravyy ekstremizm v partiinykh sistemakh epokhi postmoderna [Populism and right-wing extremism in postmodern party systems]. *Bereginya*. 777. *Sova*, no. 4 (23), pp. 101–109. (In Russ.)

3. Beck U. 1999. *What is globalization?* Cambridge, Polity Press [Russ. ed.: Bek U. 2001. *Chto takoe globalizatsiya?* Moscow, Progress-Traditsiya Publ.].

4. Vainshtein G. 2017. Sovremennyy populizm kak ob'ekt politologicheskogo analiza [Modern populism as a subject of political science]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06. (In Russ.)

5. Giddens A. 2014. *Turbulent and mighty continent what future for Europe?* Cambridge, Polity Press [Russ. ed.: Giddens E. 2015. *Nespokoinyy i mogushchestvennyy kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* Moscow, Delo Publ.].

6. Glukhova A.V. 2020. Politicheskie konflikty v global'nyu epokhu (k probleme teoreticheskoi identifikatsii) [Political conflicts in the global era (theoretical approach implementation)]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 13–14. DOI: 10.31249/poln/2020/03/01. (In Russ.)

7. Glukhova A.V. 2017. Populizm kak politicheskii fenomen: vyzov demokracji [Populism as a political phenomenon and the challenge of the modern democracy]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 49–68. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05. (In Russ.)

8. Glukhova A.V., Savenkov R.V. 2019. Novyy avtoritarizm v pol'skom oblachenii [New authoritarianism in Polish vestment]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 181–191. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.13. (In Russ.)

9. Krastev I. 2018. *Novye despoty Vostochnoi Evropy: dolgii put' k upadku demokratii* [Eastern Europe's new despots: The long road to democratic decline]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 120, pp. 140–150. (In Russ.)

10. Krauch K. 2010. *Postdemokratiya* [Postdemocracy]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ. (In Russ.)

11. Martynov B.F. 2020. *Latinoamerikanskii populizm: nekotorye razmyshleniya po povodu* [Latin American populism: Some relevant thoughts]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 19–29. DOI: 10.31857/S0044748X0008142-5. (In Russ.)

12. Mudde K. 2014. *Populistskie pravoradikal'nye partii v sovremennoi Evrope* [Populist radical-right parties in Europe today]. *Bereginya*. 777. *Sova*, no. 4 (23), pp. 91–100. (In Russ.)

13. Urbinati N. 2014. *Democracy disfigured: Opinion, truth, and the people*. Harvard, Harvard University Press [Russ. ed.: Urbinati N. 2016. *Iskazhennaya demokratiya. Mnenie, istina i narod*. Moscow, Institut Gaidara Publ.].

14. Fishman L. 2017. *Populizm — eto nadolgo* [Populism will be long lasting]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 55–70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04. (In Russ.)

15. Fukuyama F. 2018. *Identity: Contemporary identity politics and the struggle for recognition*. London, Profile Books [Russ. ed.: Fukuyama F. 2019. *Identichnost': stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya*. Moscow, Al'pina Publisher].

16. Fukuyama F. 2016. *Politicheskii zakat ili obnovlenie Ameriki? Znachenie vyborov 2016 goda* [American political decay or renewal? The meaning of the 2016 election]. *Russia in Global Affairs*, no. 5. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/politicheskij-zakat-ili-obnovlenie-ameriki> (accessed: 03.04.2020). (In Russ.)

17. Huntington S.P. 1966. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York, Simon & Schuster [Russ. ed.: Khantington S. 2003. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, AST Press].

18. Dahrendorf R. 2004. *Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze*. Muenchen, C.H. Beck Verlag.

19. Eichengreen B. 2018. *The populist temptation. Economic grievance and political reaction in the Modern era*. Oxford, University Press. DOI: 10.1162/jinh_r_01413.

20. Gdula M. 2018. *Nowy autorytarizm*. Warszawa, Wydawnictwo Krytyki Politycznej.

21. Grant B., Moore T., Linch T. 2019. *The rise of right wing populism. Pauline Hanson's One Nation and Australian politics*. Springer. DOI: 10.1007/978-981-13-2670-7.

22. Hendricks V., Vestergaard M. 2017. *Verlorene Wirklichkeit? An der Schwelle zur postfaktischen Demokratie. Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 67, no. 13, s. 4–10.

23. Kaczyński J., Kaczyński L., Karnowski M., Zaremba P. 2010. *Alfabet braci Kaczyńskich*. Kraków, Wydawnictwo M.

24. Levitsky S., Loxton J. 2013. Populism and competitive authoritarianism in the Andes. *Democratization*, vol. 20, no. 1, pp. 107–136. DOI: 10.1080/13510347.2013.738864.

25. Lochocki T. 2018. *The rise of populism in Western Europe. A media analysis on failed messaging*. Springer.

26. Macaulay M. 2019. *Populist discourse. International perspectives*. Palgrave Macmillan.

27. Marschall S. 2017. Luegen und Politik im postfaktischen Zeitalter. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 67, no. 13, s. 17–22.

28. Merkel W. 2016. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 66, no. 40–42, s. 3–11.

29. Merkel W. 2017. Trump, die Rechtspopulisten und die Demokratie. *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*, no. 1, s. 26–30.

30. Mounk Y. 2014. Pitchfork politics: The populist threat to liberal democracy. *Foreign Affairs*, no. 5, pp. 27–36.

31. Müller J.-W. 2016. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repraesentation? *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 66, no. 40–42, pp. 24–25.

32. Norris P. 2005. *Radical right: Voters and parties in the electoral market*. New York, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511615955.

33. Pappas T.S. 2016. Modern populism: Research advances, conceptual and methodological pitfall, and the minimum definition. *Oxford Research Encyclopedias*. Available at: <http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-17?rkey=A55nhK&result=53aediad> (accessed: 19.02.2020). DOI: 10.1093/ACRE-FORE/9780190228637.013.17.

34. Pappas T.S. 2014. Populist democracies: Post-authoritarian Greece and post-Communist Hungary. *Government and Opposition*, vol. 49, no. 1, pp. 1–23. DOI: 10.1017/gov.2013.21.

35. Pauwels T. 2011. Measuring populism: A quantitative text analysis of party literature in Belgium. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, vol. 21, no. 1, pp. 97–119. DOI: 10.1080/17457289.2011.539483.

36. Decker F. von (ed.). 2006. *Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv?* Wiesbaden, VS Verlag fuer Sozialwissenschaften.

37. Mesežnikov G., Gyárfášová O., Smilov D. (eds.). 2008. *Populist politics and liberal democracy in Central and Eastern Europe*. Bratislava, Institute for Public Affairs.

38. Sawyer M., Laycock D. 2009. Down with elites and up with inequality: Market populism in Australia and Canada. *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 47, no. 2, pp. 133–150. DOI: 10.1080/14662040902842836Sawer.

39. Snyder T. 2018. *Der Weg in die Unfreiheit Russland, Europa, Amerika*. München, C.H. Beck-Verlag.

40. Sutowski V. 2018. ‘Guter Wandel‘ zum ‘neuen Autoritarismus‘ — und wie weiter? *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 68, no. 11, s. 15–18.

41. Szél B. 2019. Neuer Widerstand in Ungarn. *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*, no. 4, s. 18–23.

42. Teney C. 2019. Über die Kluft zwischen kosmopolitischen und kommunitaristischen Einstellungen in der Gesellschaft Distanzierung, Mobilisierung, Politisierung. *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*, no. 6, s. 27–29.

43. Vittori D. 2015. Is populism changing the political representation of Western democracies? *Political Sciences & Public Affairs*, vol. 3, no. 1, s. 1–8. DOI: 10.4172/2332-0761.1000140.

44. Weingart P. 2017. ‘Wahres Wissen‘ und demokratisch verfasste Gesellschaft. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, vol. 67, no. 13, s. 11–16.

45. Zürn M., Merkel W., 2020. Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. *Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*, no. 6, s. 14–23.